

**на ступеньке,
бегущей вниз**

1

люди на эскалаторе кашляли, которые поднимались навстречу.

И почти сразу Нестор почувствовал запах — сладковатый и немного как бы от жженой резины.

А зарин пахнет фиалками. Нестор подумал о зариновой атаке в токийском метро. Или нет, зарин, кажется, вообще никак не пахнет, а фиалками пахнет какой-то другой газ. Газов много.

А если и не газ, то все равно что-то нехорошее случилось там внизу, и становиться на эскалаторную ленту ему, Нестору, с самого начала не стоило, если уж он заметил, что встречные люди кашляют. А когда встал, можно было успеть соскочить, пробежать несколько шагов в обратном направлении. Это еще, может быть, и сейчас не поздно. Хотя нет — Нестор оглянулся назад — уже поздно.

— Поздно, — подтвердил со своей ступеньки высокий человек в шляпе, — а ведь когда-то, вы мне не поверите,

я мог пробежать снизу вверх всю лестницу навстречу движению.

«Поверить ему?» — спросил себя Нестор и посмотрел вниз.

До низа было еще далеко, и что там внизу было — не было видно.

«Не бегите по эскалатору», — где-то близко раздался голос из репродуктора, и затем Нестор услышал короткий звук, словно стукнули ложечкой о край стеклянного стакана.

— Как вы думаете? — обратился Нестор к человеку. — Может быть, там, внизу, и нет ничего страшного? Какой-нибудь небольшой пожар, который уже потушили. Или красили потолок. Работали, разумеется, ночью, но запах мог остаться.

Человек молча приподнял шляпу, и Нестор понял, что это знак согласия.

«В последнее время участились случаи получения травм пассажирами», — сказал голос из репродуктора, это был женский голос.

На идущем вверх эскалаторе люди кашляли все поголовно, а кого-то тошнило.

— А вы не думаете, что там, внизу, это газовая атака вроде той, что была в токийском метро? — спросил Нестор, и человек снова приподнял шляпу.

«А люди, которые спускаются впереди нас, почему-то совершенно спокойны, — подумал Нестор, — они разве ничего не замечают? На их месте я соскочил бы с ленты — куда-нибудь вбок. И вообще перепрыгнул бы на противоположный эскалатор, идущий вверх. В крайней ситуации это, я думаю, позволительно».

— Но мы не на их месте, — сказал человек в шляпе.

— На чем же?

— Как всегда, на своем собственном.

— И что же нам делать? — спросил Нестор, как бы беспокоясь, хотя знал, что перепрыгнуть может в любой момент. Он даже подпрыгнул несколько раз на месте, чтобы убедиться в своей возможности.

— По крайней мере, мы можем постараться с приятностью провести оставшееся время, — сказал человек, стоявший ступенькой ниже и до сих пор незаметный — настолько, что Нестор мог сомневаться, был ли он вообще.

Человек достал из сумки флягу с пенным напитком и стаканчики.

У человека были борода и усы.

«Это хорошо, — подумал Нестор, — что один человек в бороде, а другой — в шляпе. Так их легче отличать одного от другого».

Они уже сидели на ступеньках — сидели в кружок, непонятно как разместившись, пили пенную из стаканчиков. Откуда-то в руках оказались бутерброды с ветчиной и сыром.

На проплывающей мимо боковой панели Нестор увидел крест с закорючкой и недописанное на последней букве матерное слово.

«Сидеть на ступеньках эскалатора запрещается», — сказал голос из репродуктора.

И опять раздался стук стеклянной ложечки о край стакана.

— В идеале на каждую ступеньку эскалатора должно становиться по два человека, — говорил человек в шляпе. Шляпу он, правда, отбросил в сторону, она улетела, крутясь, но под шляпой оказалась лысина, по которой человека можно было так же легко узнать, как прежде.

— На каждую ступеньку по два человека, — говорил человек в шляпе, — но люди у входа толпятся и сами себе мешают. И я придумал. Нужно сделать длиннее начало ленты эскалатора и вынести его вперед, за балюстраду. Тогда на ленту можно будет заходить сбоку, и люди уместятся на ней плотнее.

«Какое-то противоестественное слово — балюстрада, — подумал Нестор. — Что-то вроде как эспланада или перлюстрация. Я такое не произнес бы по своей воле, а если бы стало нужно, то показал бы пальцем».

— Все же с левой стороны балюстраду надо оставить, — сказал человек с бородой, — чтоб было к чему прислониться.

— Тогда с левой стороны будет длиннее, чем с правой, — согласился человек в шляпе. — Что ж, нарушать симметрию иногда бывает полезно.

«Не прислоняйтесь к неподвижным частям балюстрады», — сказал женский голос, и Нестору снова послышался стук стеклянной ложечки, а может быть — палочки.

— Вы это слышите, — спросил Нестор, — или это звенит у меня в ушах?

И тут же он понял, что слышит сигнал своего мобильного, который лежит на тумбочке у изголовья кровати. Устройство просило зарядки.

«Я, значит, сплю», — подумал Нестор.

— А то, — сказал человек в шляпе.

— А почему я не просыпаюсь, если слышу сигнал своего мобильного?

— Это же мобильник, а не будильник, — сказал человек с бородой и исчез, потому что больше не был нужен.

«Значит, я сплю», — подумал Нестор. Он допил пенную из своего стакана и прикрыл глаза. Кашель от встреч-

ного эскалатора еще доносился, но как бы издалека. А запах исчез. Действительно исчез, или нос придышался? Лента эскалатора тихо катилась вниз по своим шестеренкам или что там у нее было. И на каждой ступеньке — выше и ниже Нестора — стояло по два человека.

2

кажется, нестор задремал на какое-то время.

Или другим способом отключился.

Какие-то голоса раздавались у изголовья (которое не было, разумеется, изголовьем, потому что он сидел на ступеньках) — два мужских, которые то спорили друг с другом, то соглашались, и один женский, который был голосом из репродуктора и время от времени произносил слова, не имеющие отношения к делу.

И еще раздавался стук стеклянной ложечки о край будильника, но это не ложечка была, а другой звук, очень знакомый.

Мужские голоса пришли к соглашению, и оказалось, что один голос принадлежит человеку в шляпе (он же лысый), а другой — человеку с бородой. Они склонились над чертежами, которые вдруг появились из папки с завязочками.

— С левой стороны балюстрада будет длиннее, чем с правой, — говорил человек в шляпе. — А вдоль правой стороны нужно пустить ограждение. Не вплотную, разумеется, к ленте, а отступив что-нибудь на полметра.

— Правильно, — сказал человек с бородой. — Нельзя давать людям слишком много воли, а то передавят друг друга.

— Можно еще уполовинить ширину подводящего участка эскалатора на первом каком-нибудь метре, прикрыв специальным щитком, — сказал человек в шляпе и показал на своем чертеже. — Чтобы те люди, которые подойдут к началу ленты, становились сразу к левому ее краю, вплотную к балюстраде, а другим, которые подойдут позже, оставалась свободная правая часть ленты.

— Это разумно, — сказал человек с бородой.

— И если надлежащим образом подобрать параметры, то есть длину и ширину разных частей конструкции, можно добиться полной безопасности, — сказал человек в шляпе.

— Значит, договорились, — подвел итог бородатый. — А это что? — Он поднес к глазам лист бумаги, который в его руке был то белый, то розовый. — Я вижу здесь пистолет, но какой-то странный. — Он понюхал бумагу, поскреб пальцем. — Может быть, и не пистолет, — сказал, усомнившись, — но что-то определенно похожее.

— Это другая тема. — Лысый отобрал бумагу у бородатого и положил в папку.

«Если увидите человека с белой тростью, остановите его», — сказал женский голос из репродуктора.

Человек с бородой отбросил в сторону свою белую трость, она упала как стеклянная и разбилась со звоном.

«Это сигнал мобильного, — вспомнил Нестор, — а я, значит, сплю».

— А то, — сказал человек в шляпе, он же лысый.

Нестор открыл глаза, но мог бы и не открывать, потому что все равно остался сидеть на ступеньках, ведущих вниз.

Человек с бородой налил всем еще пенной.

В руке у Нестора появился бутерброд.

«Странно, — подумал Нестор, откусывая от бутерброда, — я не думал, что во сне можно ощущать вкус и запах. И вообще, как-то оно все до неправдоподобия реально».

— Что ты можешь знать о снах? — улыбнулся человек в шляпе.

— Я вижу их каждую ночь.

— Но ты не можешь знать того, что действительно видел ночью, ты знаешь только то, что вспомнил в момент пробуждения. А между тем и этим лежит большая разница, могу тебя уверить.

— Почему?

— Помнишь историю про человека, которому, когда он спал, на шею упало полотенце, и от этого он проснулся? Или, может быть, кто-то прикоснулся к его шее. Он увидел сон, как его судили, вели на казнь, отрубили голову. Тема сна была вызвана прикосновением к шее, но от этого же прикосновения человек и проснулся. Отсюда следует, что либо весь сон, наполненный событиями, был просмотрен в одно мгновение (невероятное ускорение времени), либо что картина сна создавалась уже после пробуждения в процессе как бы воспоминания. И именно этот второй вариант имеет место в нашей, так сказать, повседневности — то есть те сны, о которых мы днем думаем, что видели их ночью, на самом деле выросли в нашем сознании уже после пробуждения. И слово «видели», — человек усмехнулся, — тут не на своем месте. Правильнее было бы говорить «мы вспомнили».

— А тебе не кажется, что слово «мы» тут не на своем месте? — в свою очередь усмехнулся Нестор.

— То есть как? — человек сделал вид, что не понял.

— Мы — это, по крайней мере, ты и я, — сказал Нестор. — А ты ведь не будешь утверждать, что видишь сны по ночам. И что что-то там вспоминаешь днем после пробуждения. И вообще, кто ты такой? А может быть — что такое?

— Не будем переходить на личности. Хочешь сказать, что я — часть твоего сна? Допустим. Но я спорю с тобой, следовательно, мыслю. Мыслю, следовательно, существую.

— Хорошо, — сказал Нестор, — но эта история про сон с отрубанием головы, по-моему, единственная в своем роде. Так что, скорее всего, она кем-то удачно придумана.

— Не имеет значения, — возразил человек в шляпе. — Согласись, что когда ты спишь, ты видишь то, чего нет, и это сон одного рода — истинный, скажем так, сон, а когда ты проснулся, ты вспоминаешь то, чего не было, — и это сон другого рода. Между ними — разница, и об истинных снах ты, когда бодрствуешь, не можешь иметь понятия.

— А почему после пробуждения я не могу вспомнить действительный снівшийся мне сон?

— Потому что ничто не обязывает тебя вспоминать что-либо действительное. Никто не поправляет тебя, если ты ошибся, вспоминая. Потому что изначального образца нет, с которым ты мог бы сравнить возникший в твоей сонной голове образ. Вот ты видел шляпу на моей голове, у меня ведь была шляпа?

— Ты с самого начала был человек в шляпе, — согласился Нестор.

— В треугольной? — спросил человек.

— Ты же не Наполеон, — возразил Нестор.

— Правильно, трудно ожидать встретить Наполеона на эскалаторе метро. Поэтому и шляпа у человека, которого ты встретил на эскалаторе, не может быть треугольной — ведь так?

— Это была круглая шляпа, — сказал Нестор, — круглая фетровая шляпа.

— Синяя?

— Да, темно-синяя, — согласился Нестор.

— А может быть, зеленая?

— Я помню, что синяя, — сказал Нестор.

— Ты это помнишь, или тебе снится, что ты это помнишь?

— А какая разница?

— Никакой, потому что и так и этак, та шляпа, которую ты якобы вспоминаешь, может не иметь ничего общего с той, которая была на самом деле.

— А есть ли тогда это «на самом деле»?

— Может быть, и нет. — Человек в шляпе засмеялся. И замолчал. Стал слышен кашель людей на идущем вверх эскалаторе. Кто-то кашлял особенно надрывно и долго, уплывая голосом вверх.

— Может быть, — повторил человек, — но вопрос нужно решить. Ты ведь не думаешь, что мы можем обсуждать его вечно. Время уже близко. — Он показал взглядом вниз, там красные отблески метались по потолку и стенам. Слышался скрип и скрежет. Что-то грохнуло, будто уронили пустую бочку.

Недописанное слово из трех букв снова появилось на панели перед глазами Нестора и какое-то время плыло рядом.

Нестор смотрел. В руке у него оказался фломастер, кривой и черный, и он дописал недостающую букву. Слово исчезло.

— Не отвлекайся, — сказал человек в шляпе, — это тебе не поможет.

«Не кладите пальцы под поручни», — сказал голос из репродуктора.

Снова раздался звон стеклянной палочки о стеклянный край чего-то. Внизу грохотало, словно пустую бочку пинали ногами.

— Время, время, — торопил неизвестно куда человек в шляпе, или, может быть, правильнее было называть его «человек без шляпы», потому что шляпу он отбросил в сторону пять стеклянных звонков тому назад, и она улетела, крутясь, — улетела, имея вид наполеоновской треуголки, что стало возможным, после того как слово «треуголка» было введено в круг внимания.

Вслух человек говорил «Время», а про себя бормотал цифры, переходя с прямого счета на обратный.

Внизу двадцать пар сапог пинали пустую бочку. Кто-то ударил в таз — наверное, медный.

— Пять-четыре, — повторял Нестор за человеком, — три-два-один, — а потом прыгнул.

3

нестор прыгнул легко, словно взлетел. Даже не привстав со ступеньки, на которой сидел. Перемахнул через балюстраду и приземлился на лестнице соседнего эскалатора, идущего вверх.

«Молодой человек, вернитесь обратно», — сказал строгий голос из репродуктора. Голос был женский.

Люди кашляли, стоящие выше и ниже, и Нестор тоже закашлялся.

«Вас снимает скрытая камера», — сказал голос из репродуктора.

Нестор прислушался, ожидая услышать стеклянный звук какого-нибудь колокольчика, и тут же услышал.

— Да, — откашлявшись, произнесло неопределенное лицо женского пола, — так и каждый хотел бы перелезть на ту сторону, где лучше.

Нестор сосредоточился взглядом. Это была старуха в черном.

— И что будет, если каждый, кто захочет, начнет перелезть куда ему вздумается? — сказала старуха.

И все стоящие рядом с осуждением посмотрели на Нестора, а один даже показал ему руку с оттопыренным средним пальцем (наверное, иностранец).

Нестор стал пробираться наверх, протискиваясь между людей.

— Куда торопишься, молодой человек, все там будем, — сказала старуха. Та самая, а может быть, уже другая.

Наверху Нестора уже ждали два полицейских — нет, два милиционера. Слово «милиционер» было ближе, можно сказать роднее, как часть утраченного культурного достояния. Розовые овалы лиц под козырьками фуражек. Револьвер желт — так надо. Погоны, аксельбанты и прочие атрибуты. Блестящие пряжки на ремнях. Пряжки вместе с ремнями, впрочем, исчезли, когда Нестор взгляделся, — кажется, они не входили в милицейскую форму.

— Этот? — спросил один другого.

— Этот, — ответил другой.

Они взяли Нестора под руки и, проведя вокруг ограждения, поставили на ленту эскалатора, ведущего вниз.

«Добро пожаловать», — сказал голос из репродуктора. Это был женский знакомый голос.